

В.Л. Нежданов*

**Китайская диаспора и Китай:
общественные и экономические отношения
для взаимного политического блага**

АННОТАЦИЯ: Отношения Китая и китайской диаспоры обусловлены не только национальными политическими интересами КНР в странах проживания *хуацяо*. Напротив, можно наблюдать взаимный интерес Китая и китайской диаспоры в развитии общественных и экономических отношений, которые в свою очередь опосредованно приводят к трансляции государственных интересов КНР. Вместе с этим, взаимодействие Китая и диаспоры в большей степени основано не на политической программе, а на культурной и психологической общности китайского народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, китайская диаспора, *хуацяо*, КНР, землячества, партия Чжигундан, культура Чжэн Хэ.

По окончании работы 3 пленума 11 съезда ЦК КПК в декабре 1978 года проживающая за рубежом китайская диаспора (*хуацяо*) получила неофициальный статус «неотъемлемой части китайского общества». Однако работа по включению китайской диаспоры в национальный политический дискурс КНР в положительном ключе началась ещё в 1977 году, когда газета «Жэньминь жибао» поддержала идею Дэн Сяопина о восстановлении отношений с *хуацяо*, выразив уверенность в необходимости развития контактов с зарубежными китайцами [15]. Однако нельзя забывать, что в период правления так называемого первого поколения китайских руководителей во главе с

---

* Нежданов Владимир Львович, бакалавр международных отношений, магистр по специальности «Мировая политика», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия; E-mail: vn1993@yandex.ru

Мао Цзэдуном китайская диаспора также находилась в центре политического внимания, однако под другим ракурсом. Политическая программа Мао Цзэдуна рассматривала китайскую зарубежную диаспору как возможность для распространения идей маоизма в странах проживания зарубежных китайцев. Такая политика оказалась неудачной и привела к двум негативным последствиям. В первую очередь она значительно осложнила положение *хуацяо* в странах проживания, создав образ агентов распространения маоистской идеологии; с другой стороны, такая политика затруднила работу традиционных каналов общения диаспоры и родственников в Китае, что отразилось на благосостоянии клановых деревень и инвестициях в экономику КНР. Курс Дэн Сяопина кардинально отличался от курса Мао, он наследовал традиционные пути взаимодействия Китая и проживающих за его пределами «соотечественников», а также учитывал ошибки, сделанные первым поколением руководителей в данной сфере.

Китайская зарубежная диаспора является крупнейшей в мире по численности: по разным подсчетам в её состав входят от 41 миллиона [11] до 50 миллионов человек [3]. При этом важно заметить, что абсолютное большинство зарубежных китайцев, около 32 миллионов человек, проживает в странах Юго-Восточной Азии [11]. Этнический состав *хуацяо* также вызывает интерес. Так, в числе эмигрантов подавляющее большинство относится к таким этническим группам, как хоккьень (выходцы из провинции Фуцзянь), чаочжоу (выходцы из уезда Чаочжоу провинции Гуандун), кантонцы (Юг КНР и Сянган), хакка (Юг КНР), а также выходцы с острова Хайнань [17]. Вместе с этим важно заметить, что именно Южный Китай, откуда и происходит большинство *хуацяо*, является средоточием так называемых *цяосан*, а именно районов с вековой традицией миграции. Иными словами, *цяосан* — это эмигрантская деревня, с которой выходцы поддерживают плотные связи.

Важно сказать об экономической мощи китайской диаспоры. Так, по разным подсчётам китайская диаспора в Юго-Восточной Азии, составляющая 3–4% от населения страны проживания, сосредотачивает в своих руках порядка 50–70% доли ВВП соответствующего государства [8], добиваясь значительных экономических успехов во многих секторах экономики от производства до сферы услуг и банковского сектора.

Вариант взаимоотношений Китая и китайской диаспоры, базирующийся исключительно на политических интересах КНР, показал свою несостоятельность в период «Культурной революции» (1966–1976). Новый политический курс по отношению к *хуацяо*, начатый Дэн Сяопином, базируется прежде всего на взаимном общественно-культурном влиянии и обоюдных экономических интересах.

Взаимодействие гражданского общества КНР и китайской диаспоры опирается прежде всего на клановую структуру китайского общества, земляческую память, а также на традиции семейственности. Клановая структура китайского общества в экономической сфере внутри страны носит во многом неформальный характер при всеобщем понимании правил игры. Так, в китайской экономике, политической и общественной жизни присутствует крайне высокая конкуренция, которая воспроизводится из поколения в поколение по демографическим причинам, а также по причине особого склада мышления китайцев, стремящихся повторить чужой успех без внешения в первоначальный план конкурента особых изменений [9]. Вместе с этим в Китае, а особенно в семейных предприятиях Гонконга, Тайваня и китайских диаспор стран ЮВА распространена такая ценность как *жэньцин*, т.е. отношения, существующие помимо исключительно материальных интересов в бизнесе. В китайских общинах это часто проявляется в виде недоверия хозяина предприятия к пришлым людям и распределении должностей между домочадцами и родственниками. В итоге наиглавнейшим принципом предприятия становится служение «Отцу» [10, с. 336]. Вместе с этим следует заметить, что индивид в такой традиции постоянно находится внутри как бы двух общественных систем: внутрисемейной (внутриклановой) и общегосударственной (мировой). Таким образом, китайская концепция «потери лица» в данном типе отношений может проявить себя как в виде индивидуальной «потери лица» внутри семьи, так и «потери лица» всей семьи при оплошности её члена во «внешнем» мире [10, с. 336]. Кроме того, в китайском обществе по традиции любой заработавший деньги стремится выступить спонсором прежде всего своей родовой деревни [9].

Обобщая вышесказанное, следует учесть, что китайская диаспора в отличие от других национальных диаспор не стремится к натурализации по новому месту жительства. Основной идеей является экономическое развитие, лояльность существующему режиму в стране проживания, а также готовность сохранять определённые рамки сфер экономического влияния, если таковые были обозначены местной властью. Однако при этом диаспора стремится сохранить культурную, языковую и социальную автономию, создавая как бы параллельную китайскую реальность внутри европейской, мусульманской, юго-восточно-азиатской реальности. Отсюда-то и проистекает земляческая память, сохранение китайскости. Если соотнести это с уже упомянутой традицией эмигрантских деревень *цяосан* и некоторыми особенностями китайской культуры, то желание успешных китайских бизнесменов из диаспоры выступать спонсорами в своих деревнях,

становясь не только значительнее в своем клане, но и заранее подготавливая себе почётное место в ряду усопших предков, воспринимается вполне естественным.

Отмечая важность китайской клановой системы в обществе, экономике и политике Китая и ЮВА, важно заметить, что существующий баланс сил в подсистеме международных отношений данного региона строится во многом благодаря «властным играм» кланов (в том числе таких, как клан Е, клан Ли Куан Ю, а также один из кланов хакка, ранее занимавший доминирующие позиции в Таиланде), обладающих значительным весом в ЮВА и имеющих связи в южном Китае. Что касается клана Е, то его представитель Е Цзяньмин 7 сентября 2015 года стал особым Советником Ассоциации Морского Шёлкового Пути [4]. Таким образом, идея Си Чжунсюня, отца Председателя КНР Си Цзиньпина, о необходимости организации Специальных Экономических Зон на юге страны была продуманной и крайне логичной — ведь он понимал, что влиятельные *хуацяо* захотят, соблюдая вековую традицию, стать спонсорами, что в свою очередь снимет многие проблемы бедности и неразвитости этих территорий в южном Китае [12, с. 272].

Клановое традиционалистское взаимодействие дополняется и укрепляется определением Государственного совета Китайской Народной Республики [11]. В нём к китайской диаспоре отнесены не только лица, постоянно проживающие за границей КНР, но и их родственники в Китае, что позволяет успешным *хуацяо* выстраивать международное экономическое взаимодействие не выходя за пределы своего клана. Такое положение, с одной стороны, поддерживает традиционные китайские связи и лишь формализует традиционные «правила игры», а с другой стороны, изначально представляет родственников эмигрантов как возможных проводников экономических интересов состоятельных *хуацяо* в провинциях.

Взаимодействие КНР и китайской диаспоры осуществляется и на государственном уровне. Так, основой государственного взаимодействия КНР и китайской диаспоры стали специальные отделения органов государственной власти, а также одна из «альтернативных», «демократических» партий Чжигундан. Всего же в КНР действует пять структур, занимающихся вопросами взаимодействия с диаспорой: Комитет Всекитайского Собрания Народных Представителей (ВСНП) по делам *хуацяо*; Канцелярия Государственного совета КНР по делам *хуацяо*; Комитет по связям с Сянганом, Аомэнем, Тайванем и *хуацяо* Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК); Китайская партия стремления к справедливости (Чжигундан); Всекитайская ассоциация

реэмигрантов [2]. Эти органы государственной власти находятся в постоянном взаимодействии как на общегосударственном уровне, так и на уровне провинций. Они ведут активную работу по привлечению зарубежных китайцев к участию в общественной жизни КНР. ВСНП принимает зарубежные китайские делегации и организывает поездки к *хуацяо*. Госсовет формирует и реализует отраслевые программы работы с зарубежными китайцами, а также различные конференции и форумы. Комитет НПКСК изучает основные вопросы взаимодействия с *хуацяо*, а также обеспечивает расширение участия зарубежных китайцев в политической жизни страны. Что же касается ассоциаций реэмигрантов, то в данном случае необходимо говорить о земляческих и экономических связках, объединяющих несколько «Семей». Ассоциации, как правило, выпускают собственные печатные СМИ, ведут страницы в социальных сетях, а также проводят встречи и форумы [2].

Говоря о Китайской партии стремления к справедливости (Чжунго Чжигундан, сокр.: Чжигундан), следует заметить, что эта политическая партия представляет интересы *хуацяо* в ВСНП и НПКСК. Основанная в Сан-Франциско в 1925 году, Чжигундан сегодня имеет штаб-квартиру в Пекине. Партия ставит целью обеспечение прав *хуацяо* в Китае. Вместе с этим Чжигундан проводит мероприятия по привлечению денег зарубежных китайцев [13]. Таким образом, государственное взаимодействие между КНР и китайской диаспорой на современном этапе также выстраивается на уровне общественно-культурных интересов, преследуя политические цели лишь опосредованно.

Экономическое взаимодействие КНР и диаспоры следует рассматривать в рамках политики реформ и открытости. В данный период КНР выпустила достаточное количество законов, позволяющих обеспечить экономическую базу для «входа» капитала *хуацяо* в КНР. Вместе с этим были предприняты две важные законодательные инициативы, способствующие стабилизации обстановки для зарубежных китайцев в странах их проживания, с одной стороны, и укреплению их связей с китайским обществом — с другой.

Проблема китайского гражданства у *хуацяо* всегда была «болевой точкой» для стран проживания зарубежных китайцев, которые опасались так называемой «китайской угрозы», особенно после окончания Второй Мировой войны. Проблема состояла в том, что китайское гражданство присваивалось по «принципу крови». Особые разногласия по этому поводу возникали в Индонезии, где режим Сухарто проводил антикитайскую политику, направленную на натурализацию *хуацяо*. Однако в 1980 г. КНР приняла Закон «О гражданстве»,

позволивший стабилизировать положение зарубежных китайцев в странах проживания. Главная идея закона заключалась в особой интерпретации применения «принципа крови» и следовании «принципу почвы» в определении гражданства новорожденного [5]. Данная мера значительно ослабила давление на *хуацяо* со стороны местных элит, способствовала интеграции диаспоры в местные экономические и политические институты. Вместе с этим, в 1982 г. КНР приняла новую Конституцию, которая, напротив, «привязала» *хуацяо* к Китаю. Так, согласно статье 50 «Китайская Народная Республика охраняет надлежащие права и интересы зарубежных китайцев, законные права и интересы китайцев-репатриантов и членов семей зарубежных китайцев» (第五十条 中华人民共和国保护华侨的正当的权利和利益, 保护归侨和侨眷的合法的权利和利益) [6]. Иными словами, не затрагивая политической сферы, Китай сделал попытку одновременно законодательно отдалить *хуацяо*, чтобы не вызывать раздражения у элит государств проживания диаспоры, но при этом привязать диаспору к обществу КНР, создавая «глобальный Китай».

Прочие положения законодательной базы КНР в отношении диаспоры регулируют экономическое взаимодействие, это статья 18 Конституции КНР, а также многочисленные нормативные акты, закрепляющие особые права, льготы и возможности, предоставляемые инвесторам-*хуацяо*.

Вместе с этим происходит и культурное объединение диаспоры, как в результате её собственных устремлений, так и инициируемое КНР. Так, кроме культурного объединения, возникающего благодаря особенностям социальной жизни китайцев и их национальной психологии, можно говорить о практиках объединения в рамках так называемой «культуры Чжэн Хэ».

Китайский исследователь Ши Сюэцин определяет «культуру Чжэн Хэ» как основу, как прототип китайского общества в ЮВА. Разделяя личность адмирала Чжэн Хэ на две составляющие, а именно: великого человека в истории Китая и олицетворение храбрости, любви, добра и мира, исследователь сводит эти представления к идее своеобразной «витрины» внешней политики Китая [14, с. 12–18]. Следует добавить, что концепция «культуры Чжэн Хэ» основана на своеобразном мифе, который активно используется китайской культурной традицией. В некотором смысле этот образ является «центром притяжения», центром взаимодействия китайских диаспор в ЮВА, прежде всего в Индонезии и Малайзии. Для примера стоит добавить, что во многих местах в Малайзии (в частности, в Кучинге, на юге Малайзии) устанавливаются памятники Чжэн Хэ, перед которыми проводятся различные праздники китайскими общинами. Это,

конечно же, не «гордость за соотечественника», а система создания неформальных объединений китайцев вокруг национального символа. Само создание таких объединений объясняется необходимостью защиты (как физической, так и психологической) от местного населения, которое практически всегда было раздражено китайцами. Однако в последнее время власти Малайзии поддерживают идею «культуры Чжэн Хэ», поскольку это может увеличить приток денег из КНР.

В свою очередь определённую объединяющую роль играют также программы, иницилируемые КНР, и политические лозунги-программы. В качестве такой программы можно назвать концепцию «реки-таизации», или «повторной китаизации» [7, с. 264–288]. Её реализация подразумевает более глубокое знакомство новых поколений *хуацяо* с китайской культурой, использование ими китайских традиций ведения дел и включённость в общественные отношения. В свою очередь КНР продвигает политические лозунги, целью которых является привлечение внимания *хуацяо* к исторической Родине, в них говорится о равенстве всех китайцев мира. Один из наиболее знаменитых лозунгов: «Относиться ко всем одинаково, не допускать дискриминации, учитывать особенности и действовать в соответствии с ними» [1, с. 248].

Наконец, следует заметить, что КНР осознаёт реальные возможности лоббирования своих интересов внутри стран проживания *хуацяо*, что делает китайскую диаспору важным фактором реализации китайских политических возможностей в регионе. Данный тезис бесспорно важен для понимания политической стратегии КНР в современном мире, учитывая тот факт, что современный Китай и теории международных отношений, призванные описать происходящие политические события в мире, противоречат друг другу. Вместе с этим китайская диаспора, как правило, не акцентирует своё отношение к КНР внутри политической сферы стран проживания, подчёркивая свою лояльность местному режиму. Можно сказать, что для понимания и описания существующих процессов необходима работа над созданием нового поколения теорий международных отношений, которые бы могли описывать процессы, происходящие в ЮВА с участием Китая. Для этого первый камень уже был заложен идеей «*idealpolitik*», предложенной исследователем Фэн Чжаном и представляющей собой морально-идеологическую конструкцию, ведущую к взаимному выигрышу сторон [16].

Таким образом, второе поколение руководителей КНР осознало ошибку первого поколения, заключающуюся в отходе от традиционных общественных отношений и уважения к клановым контактам в угоду политическим идеям. Изменение политического курса в конце

1978 — начале 1979 года позволило Китаю не только привлечь значительные инвестиции от китайской диаспоры, но и заручиться реальной поддержкой миллионов патриотически настроенных хуацяо по всему миру. Научное осмысление теории международных отношений в вопросах взаимозависимости, транснациональных отношений и диаспоральной политики требует дополнительного изучения вопроса с учётом китайского опыта, исходящего из первоисточников значения традиционной культуры, учитывающего нюансы национальной психологии и кланового взаимодействия в рамках диаспоральной политики. Политические же вопросы в данной сфере пока рассматриваются как незначительное дополнение в рамках общественного и экономического общения Китая и диаспоры.

Литература

1. *Анохина Е.С.* «Новая» китайская миграция и политика КНР по её регулированию. Томск: Изд-во ТГУ, 2012.
2. *Анохина Е.С.* Система организации работы по взаимодействию с зарубежными китайцами в КНР // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 65–68.
3. *Борисова А.* Зарубежные китайцы // Азия и Африка сегодня. 2002. № 5. С. 28–33.
4. *Владимиров Н.* Клань Поднебесной: Семья Е — хозяева Южного Китая // Южный Китай — особый взгляд, 27.09.2015. URL: <http://www.south-insight.com/yap> (дата обращения: 8.11.2016).
5. Закон КНР «О гражданстве» / 10 сентября 1980 г. // URL: <http://www.ruchina.org/china-article/china/895.html> (дата обращения: 10.11.2016).
6. Конституция КНР с переводом на русский язык // URL: http://pavel.bazhanov.pro/translations/chinaconstitutionallaw/china_constitution/ (дата обращения: 10.11.2016).
7. *Ларин А.Г.* О некоторых подходах китайских учёных к эмиграционным и диаспоральным проблемам // Внутренняя политика КНР: история и современность. М.: ИДВ РАН, 2011.
8. *Ларин А.Г.* Китай и китайская диаспора // Азия и Африка сегодня. 2007. № 10. С. 22–28.
9. *Маслов А.А.* Китай не хочет, чтобы его постигли // The Prime Russian Magazine, 19.10.2015. URL: http://primerussia.ru/interview_posts/595 (дата обращения: 5.11.2016).
10. *Спешнев Н.А.* Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: Изд-во КАРО, 2014.
11. *Стровский Л.Е., Цзян Цзин.* Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Вестник УГТУ–УПИ, Международные экономические отношения. 2008, № 2.
12. *Тавровский Ю.В.* Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. М.: Эксмо, 2015.

13. Чжигундан ши (История Чжигундана) // Сайт: Чжигундан ван. URL: http://www.chinazhigongparty.org.cn/zgjj/zgds_9.htm (дата обращения: 8.11.2016).

14. *Ши Сюэцин*. Хуацяо хуажэнь юй Чжунго цзай Дуннанья дэ гунгун вайцзяо: хуйгу юй чжаньван (Зарубежные китайцы Юго-Восточной Азии и общественная дипломатия Китая: ретроспектива и перспектива) // *China Academic Journal*. 2013, № 1.

15. *Хун Цзяцзэ*. Дуй хайвай хуажэнь хуацяо цзинцзи юй Чжунго гуаньси дэ чунсин сыкао (Переосмысление экономических отношений зарубежных китайцев и Китая) // Пекинский университет международных отношений, *The Border Economy and Culture*. 2009, № 8.

16. *Feng Zhang*. Confucian Foreign Policy Traditions in Chinese History // *The Chinese Journal of International Politics*. Oxford, 2015. P. 1–22.

17. *Bolt Paul J*. China and South-East Asia's Chinese. Westport (Conn.), London: Praeger, 2000.

V.L. Nezhdanov*

**Chinese diaspora and China:
social and economic relations for mutual wellbeing**

ABSTRACT: Relations between China and Chinese overseas diaspora are based not only on the national political interests of People's Republic of China in those nation states where *huaqiao* live. On the contrary, it is possible to see mutual interest between China and Chinese diaspora both in the field of social and economic relations, which promotes as well the China's national interests. At the same time, the matter of cooperation between China and its diaspora is based mostly not on the political paradigm, but on the cultural and psychological unity of Chinese people.

KEYWORDS: China, Chinese diaspora, *huaqiao*, PRC, colonies, Zhigong party, Zheng He culture.

* Nezhdanov Vladimir Lvovich, Bachelor of International Relations, Master of World Politics, Tyumen State University, Tyumen, Russia; E-mail: vn1993@yandex.ru